

Голубое небо, окрашенное серыми облаками...

Голоса народа бормотали о том, что такой масштабный турнир, где схлестнется небольшой батальон мужчин с разными цветами, становится первым событием на заре фестиваля. Подача закусок – норма в этикете высокородных. Отправляясь немедленно к основному приему пищи, это менее чем элегантно усилие.

Шок и трепет — идеальные ингредиенты, чтобы насытить сердце и душу веселым событием, потому что без ведома общественности рукопашный турнир на самом деле является предвкушением дня. Ушам и травмам земель известно, Титос Ланнистер кроток, но не дурак. Или, по крайней мере, не безрассудно.

После гигантской рукопашной начинается стрельба из лука с последствиями, выходящими за рамки нормы. после чего следует рыцарский турнир, и показать его куда приятнее, чем рассказать, что для этого запланировано. слухи и слухи ходили естественным образом. Глаза наблюдателей задерживаются на приспособлениях по расстановке буквально краем глаза, так как участники и их сотня в каждой группе находятся в состоянии подготовки к первому поединку.

Основы войны чаще всего отвратительны даже для тех, кто не находится на стальном острие конфликта. Сила взимания налогов и потребности в ресурсах подталкивают многих к нищенству и, что еще хуже, к бандитизму. Большинство лордов нашли бы время, чтобы подавить возникающую мерзость ударом меча. Титос в своем робком восторге вместо этого решает разделить праздник. В конце концов, развлечения рассеивают пылающие мысли.

Сиденья и подиумы входят в иерархию привилегий; такова природа земли. С самого фасада пространство широкое и покрыто шелковой тканью, которая закрывает от солнца крышу с ароматом роз. Еда подавалась на стол недалеко от того места, где сидит лорд, наслаждаясь всеми возможными способами.

Все, что ниже, в более приземленных обстоятельствах было бы просто сидением и просмотром, но не в этот день. Хотя и не такие щедрые, как знатные, простой человек и крестьяне облачены в красно-черные сиденья. На места, купленные торговцами и межевыми рыцарями на отдыхе, им разрешается кое-что приятное съестное. В меньшей степени для тех, что ниже.

Это самое гостеприимное место, Титос убедился в этом, когда он, улыбаясь, подошёл к своей части сиденья, а трон был багровым и сияющим так же, как царственное одеяние, которое носил сам человек. Дженна идет рядом с ним и находит свое место не менее величественным, чем место ее отца. ее губы изгибаются при каждом приятном приветствии, которое она и ее лорд-отец получили, но глаза и брови говорят о другом, а исчезающие мешки под ними - тем более.

Непостоянны сердца людей всех возрастов, думала она, стиснув зубы, глядя на пройденные лица. Она узнает некоторых из них, низкородовых и высокопоставленных, мужчин и женщин из Западных земель, у которых возникают проблемы, и они сами стали проблемами для ее отца и, в конечном счете, для самой семьи великого льва.

Она вспомнила унижение, плевков на пол и различные другие способы, которыми они оскорбляли семью, скручивая львиный хвост, как они это называют. улыбка, которую она видит, искренняя, и ни одна из них не доброжелательна к ее отцу. Она мечтала о том дне, когда вернется Тайвин, окровавленный меч и все после войны, с Тайгетом и Киваном, суровыми и гордыми, как и подобает льву. С ее дядей Джейсоном рядом с ними, готовым

исказить неуважительных низших лордов, как они и планировали.

Однако пока она терпит мучения и ждет своего собственного влияния. Поскольку и Генна, и ее отец заняли свои места под солнечным днем, серебряное сияние стоит в ожидании на травянистой равнине. В ее сердце сегодня ожидание, все действия и события всегда можно обернуть против вас и вместе с вами посредством хитрости и большой хитрости.

Она позаботилась о том, чтобы сегодня применить эти учения от своего старшего брата и матери...

— Это тот самый человек, который посещает наш дом? Титос говорил с дочерью со скромной улыбкой и безобидной худобой. «Какое у него потрясающее синее пальто, ты не ошибаешься, милый, его волосы более валирийские, чем даже у Таргариенов».

— Тише, отец... — сладко ответила Генна. — Вы не узнаете, кто подслушивает наши переговоры. Лучше не апеллировать к промахам».

— О, гниль... — со смешком сказал Титос. «Это все по доброй воле, никакого вреда... даже в этом случае, если только они не засунут свои уши под наши стулья, я сомневаюсь, что они могли слышать сквозь все эти волнения». Пока он говорил, воздух наполнялся громкими дискуссиями и хохотом. — Честное слово, турнир еще даже не начался!

— Значит, хорошее предзнаменование, как ты думаешь? Генна говорил, искренне улыбаясь ему. «Я, Крейлен и даже тот человек, который приложил свою работу к каждой щели этого праздника, все они лучше ценят подаренные товары. Я не приму ничего меньшего»

«Мой, в тебе есть немного рычания, моя маленькая сладкая». — ответил Титос, слегка уцепив ее за щеку и чмокнув в лоб. Там, где другие увидели бы слабость, она увидела природу своего сира таким, какой он есть на самом деле, довольным человеком с семьей. Действительно принадлежит лучшему миру. «Я вижу в тебе дух твоей матери, несомненно, она видела только гордость, прежде чем закрыла глаза...»

"Отец..."

«Я не приму никаких слов, которые вы скажете, чтобы подорвать себя». Он говорил быстро, мило и сурово, как игривый брань отца. «Я позабочусь о том, чтобы вы хорошо отдыхали во время и после этих моментов. Твоя мать учила тебя быть сильным, чтобы ты был в безопасности, но жизнь без забот действительно жалкая штука.

Если бы ты только увидела то же самое и для себя, прошептала она про себя. Все развратное и праздничное. Он пришел с половиной причины для его траура, и это без конца. Ее мать Марбранд часто мила с отцом, настолько же строга. Он всегда очарован такой двойственностью в женщине. Он никогда не пройдет мимо такой потерянной, потому что она вдвойне уверена в своем отце.

Любое подобие матери существует только внутри ее детей, где ее властные учения были не чем иным, как первостепенными. Дженна и остальные ее братья, клыки семьи. но теперь только один зуб остался под Утесом Кастерли, так как остальные обнажили себя против претендентов, которые теперь извиваются на островах триархов.

Они продолжали свою беседу достойно, так же весело, если не больше, чем лучи и веселье под и позади их трибуны. В такие моменты Генна вспоминала о своей нечистой совести, слабость ее отца редко забывается, поскольку она вспоминает времена, когда она издевалась над своим

отцом за кулисами. Разочарование нарастает, особенно в эти месяцы. Генна никогда не имел в виду это по-настоящему, она всегда ценит его доброту. Если бы только он хранил его для реальных людей, которые этого заслуживают, а не проливают его на всех.

— Я очень беспокоюсь, Генна... — сказал Титос. Еще одна тема, которая пришла в голову. «Я не знаю, какое дурачество замышляет этот ваш Вергилий, многие из здешних лордов не хотят, чтобы это было целью шутки».

— Это не глупость, отец. Генна ответил. «Я полностью доверяю ему...»

— Как скажешь... — сказал Титос. «Но он должен поторопиться со своим человеком, турнир почти в самом начале. А теперь он только и делает, что стоит в своем одиночестве?»

— Я... — у Генны комок подступает к горлу, она не знает, как донести тему. «Правда в том, что эта часть ему не понадобится...»

---XxxxxX---

Медитация на основе своего мастерства — очень приятный метод тренировки, есть много случаев, когда времена и моменты оставляются без ничего, кроме свободы, более чем на какое-то время. Если бы не книги и стихи или хотя бы произведения из стали с Ямато. Вергилий просто закрывал глаза и созерцал те аспекты себя, которые можно улучшить.

Образы техник, красноречивые слова, красиво поставленные, и сделанные им ошибки, которые были бы сурово обдуманы, независимо от того, насколько болезненными для него были бы воспоминания о последних. Его жизнь — это путь, на котором опасности граничат с его кровью, ошибка будет означать потерю. Наличие таких вещей губительно, еще большему можно научиться, но большинство из них, как правило, таковыми и являются.

Солнечное тепло обжигает остальных участников на каждом углу, он замечает это даже так далеко, как они. Независимо от того, насколько слаба его оппозиция, он всегда следил за любыми средствами эксплуатации, он не делал оговорок о помиловании, последнее, что случилось, привело к потере, которую он не может восстановить.

Однако для него жара ничего не значит. Его ноги не раз ступали в адское пламя, и он был во многих других событиях, еще более страшных в обстоятельствах, которые гораздо лучше описать картинками, чем словами. Он может только представить, какой забавной была бы схватка, если рельефа земли и неба достаточно, чтобы заставить их фигуру слегка содрогнуться.

Однако один осмелился приблизиться; травяной звук чуть дрожал в ушах, шаг за шагом становился все ближе с каждой секундой. Это, конечно, если не считать грубого звука стальной пластины и раскачивания бригады в движении. У Вергилия достаточно указаний, чтобы знать, что это не принесет вреда, поэтому он упорствует в своих безмолвных размышлениях.

— Простите меня, сэр. Голос говорил, сильный голос и рыцарский. «Схватка вот-вот начнется, где остальная часть вашей стаи?» Он закончил, изящно произнес. Акцент не с нижнего угла тотемного столба, по крайней мере, так считает Вергилий. В этом смысле манеры аристократии ничем не отличаются от манер из его человеческого родного мира.

Он открывает глаза и слегка наклоняет голову, чтобы найти того, кто говорил. Кроме того, справа от него Вергилий увидел межевого рыцаря. Лицо мужчины неподвижно и без какой-

либо враждебности, он выглядит смущенным и заинтригованным, глаза очень испытующе изумляются. Вергилий ответил просто: «Нет стада...»

"Что?" Другой сказал. "Что ты имеешь в виду? Вы не участник?"

"Я..."

«Охранник, которого я спросил, сказал то же самое... так где ваши товарищи?»

"Я стою в одиночестве..."

«Кажется...»

— Хватит... — грубо и кратко вмешался Вергилий. «Если причина, по которой вы здесь, состоит в том, чтобы доставать меня лишними вопросами, то я не заинтересован в том, чтобы шутить с вами». Он открыл глаза; импульс его медитации давно ушел, сменившись раздражением, которое едва контролировалось, если бы не его самообладание. Потраченное впустую время, не соответствующее его плану, — это страдание, в котором он не заинтересован.

Рыцарь-Хедж стоял неподвижно, как своевольный часовой, свои мысли приходят и уходят, пока он заботится о том, чтобы найти правильные слова и правильный разум, чтобы понять намерения лазурного человека. Он оглянулся на своих соотечественников, роту в двести человек, собранную волевыми сыновьями и ветеранами простого народа.

— У вас нет стада? — спросил Межевой Рыцарь, а затем ему пришла в голову смелая мысль, что он должен осторожно шагнуть вперед. «Вы лорд? Значит ли это, что вы пришли сюда все...

— Ты меня не слышал!?

— Я спрашивал, не хочешь ли ты присоединиться ко мне и моему мужчине... — Ты стоишь здесь неподвижно, без малейшего намека на дрожь... не говоря уже о том, что ты, кажется, не потеешь в такую жару... — вздохнул Вергилий, проклиная говорящую с ним кровь за то, что у нее нет злых намерений дать ему повод для беспокойства. растерзать его труп.

«Поэтому я думал, что вы довольно опытный парень... мы могли бы использовать вас на этом турнире, мы можем разделить славу, чем вы ждете абсолютного поражения».

— Ты и так слишком много на себя возомнил.

— Ну же, не говори мне, что моя непритязательность — дерзость для твоего благородного...

— Я предупреждал тебя в первый раз... — рука Вергилия опасно наступила на ножны Ямато.

Межевой рыцарь воздевает руки в знак отречения. Он выдохнул для этой нежелательной задачи, он отступил назад, отвечая на яростный жест лазурного плаща. «Я не знаю, почему вы так взываете к смерти... я полагаю, не стесняйтесь быть растоптанным в этой рукопашной». Он поворачивается и шагает к своим соотечественникам, прибыв туда с немедленным обсуждением, которое заставило его союзников обратить внимание на сына Спарды с чертами недоумения.

Вергилий вздохнул. он, как известно, легко раздражается излишними диалогами, особенно если это отвлекает его от размышлений. Вместо этого, вместо того, чтобы наблюдать за своим окружением, его светлые сапфировые глаза блуждали от одной маленькой армии к другой.

Цвета, которые сталкиваются друг с другом, вызывают у него такое недоумение, что он может найти забавное отвлечение.

Про себя он слегка усмехнулся. «Это совершенно нелепо...» — подумал Вергилий вслух. Хотя в большинстве случаев эти люди дерзкие, есть и развлечения. Пока демонические врата не найдут достаточно энергии, чтобы снова открыться, он полагает, что сможет найти время и для других развлечений.

---XxxxxX---

Для Эммона Фрея знакомая фигура — один из интригующих живописных видов рукопашной схватки. Шикарное лазурное пальто и все такое, многие глаза, кажется, не могут отвести взгляд от него, величественная манера поведения и все такое. Здесь все они стоят в вооружении из железа и закаленных шкур, а там стоят валирийцы в церемониальных нарядах, подходящих для всякого рода торжеств. Все видят, как он стоит, так уверен в себе.

— Я спросил у хедж-группы, что они думают о валирийцах. Сказал Фрей, двоюродный брат Стеврона и Эммона. «Рыцарь попросил присоединиться к нему в этом турнире... он, конечно, отказался, увидев, что он стоит там. Они утверждают, что он такой отчужденный, как и подобает королевской компании...

— Понятно... — ответил Стеврон, кивая и слушая. «В другом случае, это, кажется, не наша проблема... если человек хочет предъявить претензии в одиночестве, то это его опасность...»

Сбитый с толку, Эммон еще больше сфокусировал взгляд. Валирийец все еще стоял там, хотя, в отличие от прежнего, его глаза открыты, и они блуждают от одного коллектива к другому. При этом Эммон попытался вспомнить какую-нибудь знакомую черту Красного замка, серебристые волосы в сочетании с царственным взглядом — не обычное явление. «Если он член королевской семьи, то мы проклянем наше имя вдвойне, если сразим его...»

— Если да, то Титос уже говорил об этом, визит короны — почетная новость. И у него нет армии за спиной. Я так не думаю, брат.

«Таргариены всегда особенные... Кто сказал, что этот недостаточно дерзок, чтобы делать такой выбор».

«В любом случае, Эммон, нам нужно выиграть эту битву». Стеврон ответил с поспешностью и бранью. «Независимо от того, кто этот человек, он уже сделал свой выбор, когда положил свой меч на стол. Помни, Эммон, тебе это нужно... Тарбеки и Речные земли смеются над этой помолвкой, если мы хотим погасить их, сейчас самое время.

Эммон содрогнулся, вспомнив нежелательные воспоминания. — Это подлое событие, брат... провозглашать наш половой акт через этот праздник — неуважение к ее добродетели... во всем виноват отец, клянусь богами, он незаслуженно надменен... После этого Генна еще больше меня невзлюбит...

Стеврон вздохнул, чувствуя равное чувство. После жалоб Эммона они на мгновение замолчали. После того, как они переоборудовали свои тарелки и подготовили лошадей, старейшины обоих заявили слово. «После того, как все это закончится, мы поговорим с ним... эти удрученные действия послужат только опорочиванию нашего имени... какая бы честь ни осталась после всех ублюдков, которых он привел...» Последнее заявление Стеврон закончил шепотом. Эммон только выдохнул от заявления.

Они вместе ждали, когда все люди, которых они приведут, медленно, но верно выстроятся в строй, когда облака рассеяли согревающий луч. Ступеньки в сотню футов на одной линии с дюжиной отряда слегка сотрясали землю, когда оба лорда-близнеца смотрели на своих соперников по случаю. Эммон знает, что его люди не так дисциплинированы, как Западные земли, не так многочисленны, как зеленые, и не так шумны, как Штормовые земли.

Он тренировался в фехтовании за несколько месяцев до того, как состоялся этот турнир, безнадежное усилие, но он многому научился. Это не принесло бы ему победы, если бы он думал на самом деле, но найти достаточно славы, чтобы хотя бы произвести впечатление, - это более чем удовлетворительный результат. На имени Фрея и так было достаточно пятен, после того, как эта рукопашная схватка закончится, никто не скажет, что Близнецы приносят посредственную попытку рвення.

Эммон посмотрел на своего старшего брата и обнаружил, что тот сосредоточен на Рейне и Тиреллах. обе стороны высоко держали свои знамена, доспехи чистые и щеголеватые, как и чистые равнины, на которых они стоят. сияние солнца только добавляет немного гламура их свите. Они пришли подготовленными и даже больше, так как их надменное поведение, кажется, выражается в том, что они высоки, насколько их лошади могут заставить их.

На другом конце также шли дома Штормовых земель во главе со знаменем Красно-белого Грифона из дома Коннингтон. За ними стоят многие имена, Кэрон, Эстермонт, Суонн, Роджерс, Боллинг и другие. Их смех высокий и многократный, аплодисменты случаю. Они видят в этом событии только честь и радость, им нет дела до поражения или славы, которая пришла после.

Роннел Аррен упер руки в бока, серебряная тарелка стояла рядом с его бледной лошадью, а не над ней. шлем, который он носил, крылат, как старый легендарный зверь, который нес арренов к их обреченному новому дому. Армет закрытый, лица не видно. Но только по языку тела можно с уверенностью сказать, что в данный момент он взволнован.

«Как план верный?» — вмешался Эммон, выходя из ступора Стеврона. «Мы позволили этим напыщенным гадам драться друг с другом, а потом доели остальную часть еды».

— Молчи... — тихим шепотом ответил Стеврон. — Ты не знаешь, кто слушает.

«Ближайший человек находится более чем в полудюжине футов от нас, и при таком ветре нам приходится кричать, чтобы они услышали тарабарщину».

— Никогда не знаешь с этими землями, Эммон. — сказал Стеврон все так же тихо, все так же внимательно глядя. «Иногда мне кажется, что даже трава движется по-другому, возможно, они тоже могут слышать и распространять информацию...»

— Страх перед грядущей кровопусканием, брат? Эммон говорил в шутку.

«Всегда, Эммон... Было бы глупо не сделать этого. Наше имя в очереди».

---XxxxxX---

Дженна редко переводила взгляд с серебряной фигуры своего дня, ее руки вертелись от беспокойства и беспокойства о приближающемся конце. В уме она чувствовала, как будто заключила сделку с дьяволом, такую милую и такую близкую, что было бы неразумно отказаться. Возможно, именно это и сделали семеро, отправив греховную работу в качестве испытания, чтобы подорвать дух Льва, когда ее сверстники по царству подрывают тело.

Она нашла способ избежать этих мошеннических договоренностей, черта добродетели - желанная претензия для многих лордов земель. Тайвин был бы того же мнения, что и она, в этом она уверена. Разница в них обоих в том, что ее старший не выкажет и не почувствует ни малейшего раскаяния за такие требования, он будет неподвижен, как камень, как если бы он имел право, данное божеством.

Генна не обладала такими характеристиками, временами она могла быть агрессивной, но проклясть невинного ради себя и семьи — нелегкий выбор, но нужно кое-что зайти так же далеко. она будет спать за него пару ночей и надеяться, что со временем его выбросят. а пока она готовится к ожидаемому натиску.

Он выглядел маленьким, Эммон. Вдалеке все они выглядели как муравьи, ожидающие своего зова. Только цвета на их тарелках и флагах окружают их, создавая изящный мираж, ничем не отличающийся от радуги, рассыпавшейся на несколько частей. Такая красивая картина, выше такой гнилой цели за поводом. Даже сейчас она все еще ощущает на таком расстоянии взгляд Рейна и Тарбека.

Через несколько мгновений цвета смешаются с цветом крови, после чего многие осознают ужасные призраки войн. Многим не следовало приводить сюда своих детей, но даже тогда... многие из таких юнлингов уже более чем известны несправедливыми правилами жизни и высаживаются в Вестеросе. Хуже того, в живых остались только те, кто знает такое знание выше необходимости.

Дочь Льва не чужда жестокости крестьянства... тонкие тела, не съедаемые неделями...

Однако ее осторожное сердце, хотя и подавленное и глубоко подавленное, будет еще больше подавлено, когда она услышит еще один презрительный голос неподалеку от нее. — А-а... Титос... Генна... вы оба хорошо смотрите вместе!

Пришел голос Эллин Тарбек, Золотая голова и тусклые глаза. На ее лице появилась странная улыбка, демонстрирующая каждую черточку ее острой ухмылки. Она хорошо себя чувствует с красным, главным цветом Западных земель. Бежала с гордостью, как когда-то давно провозгласила себя леди скалы.

Рядом с ней находится ее наследник мужского пола, Тион Тарбек Рыжий. Кажется, он одного возраста с Генной. По манере поведения ничем не отличается от своих старших братьев, традиционно красивый, со светлыми глазами, волосами и кожей. По форме челюсть сильно худая, а плечи худощавые. В его присутствии не было никакой враждебности, но по тому же предмету действительно могло показаться, что он обеспокоен поведением своей матери.

«Мои такие прекрасные времена и зрелище, которые мы собираемся устроить, не так ли». Эллин говорила. «Война на горизонте, и здесь мы устраиваем пиры и веселье, пока наши люди умирают и сражаются за нас». Она нашла время, чтобы самодовольно взглянуть на главу дома Ланнистеров. «Твое сердце, должно быть, очень устало, раз поручаешь такую гнилую задачу своему брату и сыну... но мы все должны принять свое положение в жизни, не так ли? Ты наполовину человек под началом даже младшего.

После этого она издала самодовольный смешок, почти хохот. И Титос, всегда робкий, принял насмешку пассивной походкой. Он также застенчиво улыбнулся и выдохнул, пристыженный и смущенный одновременно, он не сделал ничего, кроме набора бесполезных слов. «Я полагаю, вы правы...» сказал он, слегка усмехнувшись, «в конце концов, я не из тех, кто устал...»

— О, вам не нужно напоминать мне, милорд . — ответила Эллин, изображая сочувствие и

притворно приподняв бровь. Дженна вздрогнула на своем сиденье, ее руки и ладонь уперлись в ногти, она пытается выдохнуть презрение, которое краснеет на ее коже. Точно так же Тиону не стало лучше от замечания его матери. Закрывая глаза в отдалеке и замешательстве. Оба отпрыска не хотят играть в мелкие игры.

— О, Генна! Эллин возвышает голос в затененной радости, глаза блуждают по дочери льва, когда она заметила ее покрасневшую кожу. «Мой, как цвет твоего дома идет тебе... Я действительно завидую твоим возможностям цвета лица. Знаешь, твоя мать точно так же...

«Мама, можем ли мы ради всех семи найти наше место...» — вмешался Тион, его глаза в ужасе смотрели на поля схватки, а не на воинов. Его руки сжаты в кулак, чтобы вспомнить правила этикета, кажется, не хватает еще одной его крови. «Меня действительно охватывает жар... если мы должны участвовать в таком разговоре. Подождет до пиршества, может нет...»

Эллин посмотрела на своего отпрыска взглядом, очень похожим на зверя с ее знамени. Так же, как Тион ответил своим обжигающим взглядом, на мгновение он выглядел намного старше, чем он есть. «Извини, Титос, кажется, молодые духи часто бывают нетерпеливы. Особенно такой, чтобы легко отказаться от должной формальности в уважении к хозяину этого праздника. Я уверен, вы понимаете.

Точно так же она посмотрела на Генну, поскольку последний хотел поколебать ее самообладание. Она посмотрела на своего отца, умоляя о каждом подобном событии, чтобы он, наконец, показал свою гордость. Она так хочет, чтобы это было неизбежным, многие сдались, особенно Тайвин. Но ее отец всегда уделял ей самое пристальное внимание втрое больше, чем кто-либо другой. Она смотрит с надеждой.

— Конечно, леди Эллин. Праздник был бы радостным событием, в такое время можно спокойно говорить». — ответил Титос, и Генна разочарованно вздохнул. Понятие обиды пришло к ней и от нее за все часы этого турнира и до него. Ужасно, когда о ней говорят из-за развевающихся занавесок с насмешкой, но так открыто отмахиваться от нее... это самое верное наказание за слабость ее отца.

Тион усмехнулся, закатив глаза; появилась насмешливая улыбка, после чего он ушел. Однако, прежде чем он повернется, чтобы уйти, глаза Дженны и его глаза торжественно встретились. Он кивнул, извиняясь, достаточно быстро, чтобы никто вокруг не обращал на него пристального внимания, и достаточно медленно, чтобы Генна заметила. Не все разделяют одинаковое отношение к своему повелителю.

— Как и вы, лорд Титос... Дженна. Она сказала застенчиво, дерзость, которая неразумна для человека. Генна облегченно вздохнул, глядя на пол подиума, покрытый тенями, отбрасываемыми элегантно одетой крышей. Она не может объяснить состояние своего тела ничем, кроме жара, но и это сомнительно.

Она почувствовала теплую руку на своем запястье. Отец смотрит на нее с беспокойством. — Ты в порядке... — осмелился спросить он. Слегка нахмурившись, не менее невинно выглядя как младенец и как старец оба. Такие вещи вызывают у нее недоумение. Они все похожи, ее братья и она. Но даже при рождении большинство говорили о страшной свирепости со стороны всего безопасного их отца. Могла ли кровь матери быть сильнее.

«Она насмехалась над нами...» — сказала Генна. — Разве ты этого не заметил!? Она закончила, глядя в сторону со стыдом. Зеленые глаза светились легкой слезой, хотя она не оторвала руки от отца. «Она должна была быть нашей служанкой... никто не должен так говорить, даже

король мерил свои слова первостепенным ниже себя...»

— Ты много знаешь о королях, не так ли? — игриво ответил Титос, слегка улыбнувшись, чтобы отделить грустный воздух. Дженна посмотрела на него, ее рука, наконец, ускользнула от лорда-отца, когда она встала, чтобы лучше посмотреть на рукопашную, прежде чем произнести слова про себя.

«Я вспомнила времена, когда король посещал нас, чтобы развеять наши проблемы...» Она заговорила. «В гламуре и во всей своей славе он говорил с вами так почтительно, как вы относитесь к нему, как и подобает обоим вашим положениям... можете ли вы вообразить себя так откровенно с ним, как та презренная женщина корчила свой язык только что, в нашем собственном доме !”

— Дженна... — ответил Титос, легко успокаивая дочь. «Леди Эллин просто шутит с нами, не нужно излишнего презрения. В конце концов, она и другие будут служить нашим прихотям, как они и дали клятву. Оглянись вокруг, милый. Сегодня все в радости».

Генна сильно вздохнула и мотнула головой, словно собираясь упасть в обморок. «Какое рабство? Какая верность!? Прошло десять лет с тех пор, как многие из Западных земель смотрят на нас с уважением, не говоря уже о том, чтобы служить! Она посмотрела вниз на армии внизу, группу мнимых войн, демонстрирующих свою мощь во многих количествах. «С какой целью, отец? Вы отдали меня в дом ласки, с которой я не собираюсь жениться...

«Дженна... Дом Фреев — один из самых богатых домов Речных земель. Они благородны почти так же, как Талли.

Ради всех богов, отец, ты действительно упорствуешь в этом? по мнению Генны, никто не мог быть таким доверчивым. Тот самый мужчина, который заправил ее постель вместо слуг, который почти каждую ночь читал ей сказки, прежде чем ей исполнится два и десять лет, который осмеливался спать в ее шкафу много ночей только для того, чтобы увидеть, как она хорошо спит, и убедить ей, что в помещении нет монстров.

Привлекательный мужчина, которому нет места в битвах и господстве, смерть ее дядей - настоящая трагедия, не соответствующая будущему, которое должен иметь этот дом. в этом Титос решает продолжить свой парад рассуждений. — Когда придет время им служить по моему призыву, они откликнутся, Дженна. Он сладко ответил, выражая понятие господства, как будто они говорят об игрушках и фольклоре.

«В такое мирное время, когда ближайшая война пришла через Узкое море, а не через наши земли. Почему мы беспокоимся о том, чтобы оставить конфликт без внимания». Он продолжил. — Их слова ничего не значат, милая. Устное заявление, произнесенное менее чем за секунду, после которого есть время, которое мы могли бы провести в жизни с радостью».

— Но ведь... — возразил Генна. «Они использовали нас, забирая нашу золотую казну без всякой надежды отдать нам свои долги. Открыто издевались над нами, чтобы понизить наше положение. Бандиты беззаботно бродили по равнинам, окрашивая нашу траву в кроваво-красный цвет. Лорды не послали своего человека охранять королевство, как должны. Ее глаза сузились, когда она изучала смех издали и с других трибун, когда она делала свое последнее замечание. «Кто сказал, что этим дикарям не приказано делать это».

— Генна, садись, пожалуйста.

— Ты послал моих братьев на смерть... — сказала Генна, и смех издали казался таким тихим,

когда их взгляды встретились. — Ты должен был быть на той войне... как отец, защищающий своих детей. Что бы сказала мать, если бы узнала о твоих решениях?

— Я послал твоего дядю... Моего брата Генну. Ты меня знаешь... милый, я не воин, ты это знаешь, твоя мать это знает. Ваши братья просили занять мое место; Я не просил и не требовал их об этом».

— Ты должен был отказаться... — сказала Генна дрожащим от печали голосом. «Вы отправили их всех... как будто у вас больше, чем запасной ждет. Теперь мы с Герионом одни... а змеи с множеством голов кусают нас за хвост. Даже в этом турнире». Теперь она смотрит на свое место, думая о том, чтобы найти больше комфорта вдали от отца.

— Почему ты отдал меня Фреям? — наконец спросил Генна. «Я никогда этого не хотел, для этого нет причин... все не видят здравого смысла в том решении, которое вы только что приняли. Я... неоднократно за все эти годы, как и Тайвин.

— Это наш долг, Генна! Теперь он говорил более строго, даже тогда это все еще звучало мягко и без силы. Баритон больше подходит медсестре, чем лорду. «Эмон — хороший мальчик. Он был только сердечным к нам от наших многих пиров прежде. Больше, чем другие лорды этого царства. Речные земли по-прежнему хранят для нас честь, а Фреи — одни из их самых могущественных вассалов. Это честь."

— Значит, ты признаешь фальшь нашего вассала... — прошептала Генна, все еще слушаемая отцом. — И все же... ты ничего не сделал...

«Генна. Что нужно сделать? Как я уже сказал, мы живем в царстве мира... пусть все находят добычу, какую хотят, это ничего не значило... у нас есть золото, у нас есть сила. И с помощью и поддержкой короля мы будем такими всегда».

— Они будут ходатайствовать, отец! Она ответила мягко, но все так же строго. «Они найдут больше слабости, чем уже есть, и попытаются узурпировать нас! Когда все наши дома восстанут против нас, кого будет слушать царь?»

«Это никогда не зайдет так далеко...»

«А меня... чтобы меня бросили в дом, полный ублюдков...»

«Генна, турнир вот-вот начнется». Ее отец говорил, протягивая руки к ней в знак маня. «Пожалуйста... давайте поговорим об этом позже, в более приемлемой обстановке». Дженна посмотрела на свою ладонь, без шрамов и мягкую, никогда не державшую в руках меч, если не редко. Ее лицо онемело, а пот на ее лбу стекает с пятна разочарования.

— Вы позволили Уолдеру Фрею запугать вас, чтобы он устроил турнир по добыче моей добродетели. Ее голос сильнее со слезливой вибрацией. — Акт самый священный... И ты осквернил его, б принеся в жертву меня... свою дочь... — Он замолчал сразу после этого, даже заикаясь, пытаясь найти свободу действий снизу.

— Ты прав, отец... — продолжила Генна в своем ответе. «Мы поговорим об этом позже...» Она ушла с трибуны, шагая с большой гордостью и высокой походкой. Все слуги и прислуга кивают и кланяются, когда она проходит. Никто не осмелился потревожить ее, увидев ее неподвижное лицо, те, кто достаточно близко, знают, когда она в ярости.

Пока Титос смотрел, как она уходит, лицо Эллин удается достичь его периферийных устройств.

Она улыбнулась так самодовольно, как только может быть недостойная. Титос улыбнулся в ответ с меньшим энтузиазмом. Он с нетерпением смотрит на поле, где собрались небольшие армии, чтобы найти призыв к битве. Тем не менее, он находит валирианца, стоящего неподвижно, за исключением развевающегося на ветру плаща, всего лазурного и золотого.

---XxxxxX---

Ветер приятный. То, как она входит в щель его одежды, пальто и кожаного костюма внутри, и все это успокаивает, как зуд, почесанный твоей матерью. Он закрыл глаза в ожидании, но время от времени открывал их, чтобы посмотреть, как качается трава. Это было мирно и знакомо, это напоминало ему его особняк, где черно-фиолетовые полосы вокруг стен и драпировок.

В полях он вспоминает взмахи мечом своего отца и брата, тогда это было разрушительное усилие. Даже когда они были молоды, взмахи их рук, независимо от того, держат ли они меч или палку, рассеивали ветер, чтобы расчистить путь. Он всегда любит это чувство, знать, что когда ты рождаешься, ты выше многих представлений.

Трава напомнила ему обо всем этом, она не такая высокая, как трава в его доме, почти такая же высокая, что достигает колен, а не щиколотки у этих. только когда ему исполнится почти восемь лет, он осознает, что очень не похож на других людей. До того, как его отец пропал без вести, он думал, что его способность отмахиваться от ветра и разбивать валун взмахом деревянного меча — обычное дело.

Когда его отец пропал без вести, он и его брат осмелились рискнуть. Данте ходил в парк развлечений или в ближайший музыкальный или оружейный магазин, чтобы с благоговением наблюдать за витринами такого грубого и простого оружия. Даже сейчас глаза Вергилия закатываются, он никогда не изменит свое мнение. Для него, однако, ближайшая библиотека или сооружение боевых искусств было бы его призванием.

Он помнил движение, как медленно двигались дети, как вяло взмахивали и били взрослые. Даже в его юном возрасте многие посетители часто говорили о безжалостной доблести его отца. Но он не понимал, что пропасть сравнима скорее с бесконечным каньоном с камешком, чем с троном со стулом, как он привык верить.

Тогда он чувствовал себя в безопасности, вся неуверенность в том, что он не будет готов покорить мир, как его отец, легко отбрасывалась. Все тренировки стали более плавными, все нарекания превращаются в похвалы. Даже Данте в своей беззаботности начинает завидовать, когда дуется, но он все еще помнит, когда его брат в красном поворачивался, чтобы пережить, когда он видел своего синего близнеца прямо позади него... или перед ним... это было давным-давно.

Он думал, что у него есть все, что нужно, он думал, что его отец надлежащим образом смирил его и укрепил благодаря мировому опыту.

А потом пришел огонь... потом особняк рухнул вместе с ним...

А потом он подумал, что сможет дозвониться до матери по телефону...

А потом-

"ГРАД!" — проревел представитель. "Град! Всем вам! Всем мужчинам, женщинам, лордам и леди королевства! Здесь мы собираемся на праздничном празднике, как никогда раньше!" Он

кричал с искренностью и духом. Он должен был догадаться, что у такого забавного веселья будут свои неприятные ораторы. Ему сейчас все равно, раньше он справлялся с гораздо худшей чертовщиной.

«Вот мы идем! Свидетельствовать о событии! Беспрецедентно... Это было поистине невыносимо для его ушей. Как мог кто-то сказать так много слов и столько же раз повторять одно и то же значение и при этом оставаться в здравом уме? Перспектива просто срезать весь подиум одним ударом, чтобы попасть на выступление, очень привлекательна.

«В честь непорочности госпожи Генны...» Воздух, выходящий из его дыхания, дымный, более насыщенный жаром, чем окружающие его лучи света. Он был здесь по тривиальной, но продуктивной причине, но напоминание о том, что этот турнир был вызван по большей части неотесанной причиной, является ужасным напоминанием.

Он огляделся и услышал столько же смеха, сколько и увидел, а остальные просто хлопают в ладоши. Некоторые молчат, в основном те, кто носил красный цвет. Некоторые даже показали гневное лицо, особенно на подиуме Marbrand и коллективов септов. Гражданское кровопускание может стать неизбежным, если такое оскорбление будет продолжаться. Он надеялся, что когда придет время, они будут достаточно молчаливы, чтобы оставить его отдыхать и читать.

Его глаза, наконец, удивляются входу в поле. Куда войдут воины, лорды и лидеры любого рода, чтобы принять участие в турнире. Там он увидел ее, девушку Ланнистеров, стоящую в красном платье и черном шарфе. Все они украшены золотыми узорами, напоминающими освященную линию львиной гривы. Их положение шатко, но, по крайней мере, положение Ланнистеров не уступает им в грандиозности.

Не прошло много времени, как Зеленые и бледно-голубые глаза встретились. Она кивнула ему, грустно. Вергилий задается вопросом, по какому поводу теперь она находит еще один предлог, чтобы пролить еще больше слез, но это не его дело. У меня есть дела поважнее, думает он про себя. Признав ее одним только взглядом, он снова посмотрел на своих жалких противников.

Ее условия на его участие просты, ничего не мог сделать даже простой ум. Единственный муторный момент этой рукопашной — ожидание, даже сейчас говорящий все еще пускает слюни на свою речь. Можно сказать, что он любит собственный голос, Вергилий вздохнул и закрыл глаза, пока не пришло время, пока не пришел зов.

«На юго-западе угла растет плодородная зелень. Полный жизни и терпения. Во главе с Гартон из Тиреллов под его знаменами пришли триста человек, щедрых, как земля, в которую они пришли». Приветствие последовало его примеру. Легкий, но далеко не посредственный. Вергилий устало выдохнул, услышав это, кажется, знакомство необходимо, особенно для здешней культуры. Он может найти юмор в этом вопросе.

«На востоке живут жители долины. Блестящие на своей стали! Высоки, как честь, поскольку они стоят ВЫСОКАЯ!» Каденция поднималась и опускалась, как гейзер, когда говорил спикер. «Роннел Аррен в голове! Серебряное крыло шумно и гордо хлопает! За его ветрами следуют двести человек!» Аплодисменты стали чуть сильнее, зрелище сияющей чести, перешедшее в реальность из народной сказки. Люди - люди Долины, но их благородство хорошо известно.

«Там, на юго-востоке, стоит дом Речных Земель! Дом близнецов!» Докладчик еще не произнес имени, но стоны и недовольство высоки, чтобы услышать их со всех трибун трибуны. Некоторые даже смеются, считая участие мостового тролля более отталкивающей шуткой, чем

правдой реальности. «Страж между двумя землями! Они охраняют мост, разделяющий два мира! Вот они идут вперед, а за ними двести человек! Будут ли они такими же крепкими, как стена, как защищали свой дом!»

«ОНИ БЫЛИ БЫ, ЕСЛИ МЫ ПЛАТИМ ИМ ДОСТАТОЧНО БОЛЬШЕ!» Закричали зрители. А потом последовал смех, гораздо громче и живее, чем прежде. Даже гвардейцы, которые неподвижно стоят на страже порядка, опустили глаза и усмехнулись от заявления. Вергилию удалось бросить взгляд на главного подозреваемого, и он увидел, что некоторые Фреи выглядели пристыженными, а некоторые в гневе. Он вздохнул по этому поводу; насмешки обычно приходили после боя, а не до. Он критически относится к этому событию.

«Пришли дети бури!» Спикер перешел к следующему претенденту. «Нет солнца, которое светит им! Но облака, владеющие громом, дадут им силу. Далеко от дома, они стоят здесь свирепые и полные сил!» Слова еще не закончились, но штурмовики уже окликнули себя оглушительным криком. С энтузиазмом относится к игре.

«Во главе с домом Коннингтонов, смотрите, пришел грифон!»

«ГРИФОН! ГРИФФИН!» красный и белый человек Коннингтона кричали как их боевой клич. Остальные их соотечественники из Штормовых Земель смеялись и кричали в свой хвалебный бой. Спикер продолжал говорить. «Гордость льва... и крылья, чтобы вознести свою честь в облака! Он направит бурю на их ВРАГОВ!»

«БАРАТЕОН! БАРАТЕОН!» Штурмовики обрадовались, они пришли сюда без своего повелителя, но не забыли, где находятся. Сражаясь в войне между двумя континентами от их имени, они стоят здесь сейчас, олицетворяя их и их положение. Они думали, что ничто не приносит большей славы, чем тот, кто участвует в войне. В таком случае они будут драться в мнимом, чтобы утолить свой аппетит.

Толпы приветствовали их высокую радость и огонь их духа, но так громко, как они могли кричать и аплодировать, человек из Штормовых земель кричал и приветствовал еще громче. Это интересная загадка для многих, воинская душа бури, поднятая выше, где другие голоса запуганы и рассеяны. Это длилось недолго, чтобы раздражать Вергилия, но он хотел бы, чтобы это закончилось скорее.

— Вот они... — Любопытно произнесенный шепотом и криком, слитым в один из уст диктора. «Сильная, крепкая и вздымающаяся львиная грива... все равно одетая в блестящую сталь и золото...» Он указывает на самый западный угол, в середине, где красный и золотой выстраиваются в строй и выстраиваются неподвижно и дисциплинированно.

«Здесь стоит Дом Рейн из Вестерландов. Во главе с Рейнардом Рейном, кроваво-красным, который так сильно течет! Есть и радость, и тишина, это сложная реакция. Для Вергилия он признал бурное правление повелителя. Но то, что оно достигло сердец людей, довольно странно, можно было бы подумать, что соперничество облаков мало что значит для тех, кто каждый день борется за еду за свою работу.

«Двести человек! Посмотрите, как они стоят недвижимо, их не поколебал даже самый сильный ветер! Запад силен, поскольку они несут нашу гордость и честь ЗАПАДА!» они неподвижны, даже несмотря на высокие голоса несоответствия и радости. Казалось бы, они беспечны против течения низины. Такие голоса не имеют отношения к высшему человеку с большими целями.

«С северной стороны... пачка гамбезона и кожи! ПОЙДИТЕ ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ!» Диктор

указывает на волну коричневого и железа. Застенчивые и неуверенные, но честные и готовы проявить себя. Их губы дрожали между улыбкой и стоицизмом. Неизвестно, отвечать ли на заявление приветствием или безразличием.

«Они люди из народа! Голос тех, кто взбирается на гору к славе!» Диктор продолжал говорить. «Имена и происхождение их неизвестны, вот они и пришли исправить такое представление. Вписать их кровь в анналы истории! Во главе с межевым рыцарем без имени! каждый заявит о себе после своей победы, как и обещал! КТО ОДИН ГОЛОС ДЛЯ ТАКОЙ КОМПАНИИ!»

Высокие подиумы этикетно аплодировали, когда дамы и лорды смеялись при таком виде, неизвестно из-за доброй воли или в насмешку. Но для тех, кто внизу, кто носил обычную одежду и одежду. Кто привел своих детей на деревянные сиденья и где большинство стоит, чтобы увидеть, чем сидеть на стуле с подушками. Все они хохотали в мотивированном веселье. Облака рассеялись, и даже некоторые закричали. Кажется, некоторые члены компании хедж-рыцарей пришли поболеть за свою семью.

«Но если вы все думаете, что это самый нерегулярный турнир на данный момент... Вы еще не все видели!» Громкоговоритель сказал, что больше всего он погрузился в тишину, когда аплодисменты полились из его излишне длинных моментов. «Лорды приводят свои армии... и да, межевой рыцарь пришел со своим собственным отрядом драбов и доспехов против титанических лордов... но пришел один... смелый и полный бравადы».

Говорящий указывает на одинокого мужчину в лазурном плаще и все такое. Вергилий поднимает руку к голове, раздраженно массируя лоб. «Одиноким валириец, серебристые волосы и все такое... с таким гладким мечом, что он может пронзить твою ДУШУ!» Толпа аплодировала легким жестом, но большинство если и не было, то скорее с любопытством, чем с радостью.

«Все привели своих соотечественников... но не этот человек... этот человек ОТДЕЛЬНО!» Оратор поворачивается к аудитории, указывая пальцем на синий оттенок. «ОДИН МЕЧ, ОДНО ТЕЛО! ОН БУДЕТ БОРАТЬСЯ ПРОТИВ ПОТОКА ЛЮДЕЙ! Я НЕ ПРИНОСУ ВАМ НИКАКОГО ОБМАНА, НАРОД ВЕСТЕРОСА И ВСЕХ! ОН НИКОГО, КРОМЕ СЕБЯ, НЕ ВСТУПИЛ В ЭТУ БЛИЖНИЮ!»

Вздохи и сбивчивые манеры голосов наполняли воздух, бормотание и ворчание разлетались по сиденьям, трибунам и всем тем, кто наблюдает даже из-за ограждений стены и человека. Некоторые оглядывались, а некоторые смотрели на поля, чтобы увидеть какие-либо признаки шутки, но не нашли. Болтовня, которая казалась скоплением муравьев над ухом Вергилия, была больше, чем раздражением.

— Аластор... — заговорил Рейнард, и его двоюродный брат тоже смотрел на главный интерес этого события, когда он ответил.

«Для меня это тоже невероятно, Рейнард...» — ответил Аластор, хотя и качает головой скорее в кажущейся глупости, чем в сказанном им недоверии. «В любом случае... это его труп, не наш вопрос».

«Очаровательно...» Рейнард все еще смотрел на ревущего голубого призрака на горизонте. «Нужно быть полностью уверенным в своих силах, чтобы осмелиться выступить против более чем тысячи человек...» Даже сейчас отпрыск дома Рейн все еще замечает Вергилия, застывшего в ожидании. Приходило к нему созерцание многих мыслей...»

— Как ты думаешь, за кого он сражается? — спросил Гарт своего капитана рядом с ним.

«Я не вижу на нем ни символа, ни знамени». — ответил капитан. «Хотя, если я могу вкратце уточнить... тот, кто сражается в одиночку, часто сражается за себя...» он прищурил глаза, чтобы сосредоточиться. — Хотя даже с такого расстояния он выглядел довольно молодым, милорд... возможно, таким же молодым, как и сам наследный принц.

— Да... хотя, кажется, не из того же корня... если бы он был там, в Красном замке, во время моего визита, я бы его заметил. Гарт посмотрел на одинокого валирианца более ласково. «Однако и никто не говорил о нем. Такая странность для того, кто выглядит так великолепно.

«ОДИНОКИЙ ВАЛИРИЙСКИЙ! ДОЛЖНЫ БОРАТЬСЯ ОТ ИМЕНИ ЛАНИСТАРОВ В ЗАЩИТУ ЧЕСТИ ЛЕДИ ДЖЕННЫ!» — заявил спикер так же своевольно, как и раньше.

— Ну... — заговорил капитан «Тиреллов». — По крайней мере, теперь мы знаем, за кого он сейчас сражается.

«Как сбивает с толку...» — сказал Гарт сам себе.

Вергилий однако. Наконец поворачивает голову к даме в красном. Их взгляды встретились, так как впервые сын Спарды одарил самым сбивающим с толку взглядом. Генна улыбнулась мило, но и лукаво. Она поднимает одну руку, чтобы помахать пальцами вверх и вниз по направлению к нему. Мужчина качает головой на выдохе, это не входило в сделку... — задумчиво прошептал он. Хотя терпел до поры до времени. И приготовился с обоими открытыми глазами, поскольку обе его руки покоятся на навершии его клинка в ножнах.

«Все ставки должны быть сделаны в этой битве десятилетия! Возможно, даже век! Поместите своих золотых драконов вперед! Потому что битва НАЧАЛАСЬ!»

---XxxxxX---

— Эммон... — строго сказал Стеврон. "Будь готов..."

В его жизни было много вещей, о которых он беспокоился, но в этот день пришло другое, которое нужно было подавить под горой, которая уже есть. Он не питает любви к леди Дженне и надеялся, что есть другой способ аннулирования брака, но такая перспектива ничем не отличалась бы от того, чтобы помочиться на прорехи своего отца. Выйти замуж за знатного дома — перспектива чуда для вассала, не говоря уже о таком, как он.

Он сочувствует ей; он помогал во многих праздничных делах. Но обзавестись другим мужчиной своей благосклонностью, даже не подозревая, что просила его о таком предложении. Это понятие очень расстраивает его. Там он стоит неподвижно, поскольку штормовые жители первыми берут на себя ответственность, а человек досягаемости атакует их. В уме Эммона он размышляет, не знает ли она о неуважении, которое она только что проявила.

Разочарование и ярость, вот что живет в нем сейчас. Генна совсем не дурушка, она в десять раз умнее других знатных дам, даже самонадеянной Эллин Тарбек. Он в ярости корчится над своей лошастью и продолжает заявлять своему брату. — К черту это... — сказал Эммон. «Мы возьмем плату...»

«ЭММОН!» Стеврон предупредил. «Не будь глупым! Помните план!»

«Мы снова попали в тупик, Стеврон!» — возмутился Эммон. «Мы пришли сюда... Я пришел сюда! По доброй воле и в пределах моей чести и чести Ланнистеров все это украли! Возможно, у Рейнов и Тарбеков правильная идея, когда они действуют против своего сюзерена. Стеврон

вздыхнул, слушая. Их взгляды встретились, и старшая лошадь приблизилась к другой.

— Много сказано, брат. — шепотом сказал Стеврон, хватая Эммона за затылок ко лбу. «После этого будет расплата, мы постараемся, уверяю вас! Но не ставьте под угрозу эту битву, это больше, чем просто прихоти одного! Вы понимаете!?"

— Да... — тихо захныкал Эммон, — это неправильно...

"Знаю, знаю." — ответил Стеврон. «Я не знаю, чего мы заслужили, но я знаю, что нами пренебрегли. Терпение брат, всему свое время. Отец уже совершает все ошибки в мире, мы не можем позволить себе одного вместо него, ублюдка.

Войска Гарта встретились с отрядом штурмовиков. Коннингтон и Тайрел наконец-то поют стальные звуки. Их кавалерия столкнулась, и крики также последовали и последовали за ними. Таковы умы буйных и высокомерных. Один так закулисно верит в численность своей силы, а другой великую веру в свою доблесть и силу.

Две стороны затененного желтого и зеленого смешались на среднем поле рукопашной, солнце ярко светит на них, когда лучи отражаются к зрителям. Жестокая половина радуги, которая скоро появится в цвете крови. Штормовые жители могут победить более одного, но досягаемость в триста, возможно, меньше, чем они есть на самом деле. С тыла, возможно, подстерегают более четырех дюжин.

«Все идет гладко...» — заявил Стеврон.

"Не совсем." Эммон указывает на малиновый цвет. «Рейнард и его человек двигаются совсем немного». Точно так же представитель Вестерландов движется так же медленно, как спокойный марш. В движении слева и справа от поля, вдали от лязга стали. Достаточно, чтобы все увидели, что они участвуют, но недостаточно быстро, чтобы присоединиться к драке».

«Силы Вестерландов очень дисциплинированные». — сказал Стеврон с вздохом беспокойства. «Я не из тех, кто подрывает наши собственные силы, но даже при правильном входе я не думаю о нашем шансе против него... если мы должны победить, они должны участвовать... Подожди!?» Там они маршируют в быстром темпе к Рейнам, кавалькаде межевых рыцарей воинов варваров в общих одеждах.

«Их кавалерии не хватает!? Они собираются устроить ему засаду? — заявил Эммон. Глаза сосредоточились на коричневых тонах, которые медленно приближались к следам Западных земель.

«Я так не думаю, Эммон... но опять же, это не коллектив образованного стада». Они наблюдают, как силы межевых рыцарей приближаются к багровому льву. Неустанно шеренга и строй тех, кто стоял позади Рейнарда, не двинулись ни на йоту, чтобы дать отпор сотням простых людей с низкими копьями, приближавшимися к ним.

— Нет... — заговорил Стеврон. «Нет... почему я не подумал об этом... ЧЕЛОВЕК! МЫ ДВИЖЕМСЯ ВПЕРЕД! В МОЕМ ТЕМПЕ!» — крикнул Стеврон в конце. Эммон последовал его примеру вслед за братьями и обнаружил, что пришел к тому же выводу, изучая движущиеся живые изгороди.

«Армия рыцаря Хеджа...» — сказал Стеврон, когда они медленно маршировали к полю битвы. — Они объединились с Рейнами. Пока он говорил, обе группы выстроились в строю лицом в одном направлении рядом друг с другом, как раз в тот момент, когда долина мчится к ним

почти полностью на лошадях, вся команда, по правде говоря, большинство из них носят стальные изделия, никому неизвестно, как и почему они могли носить столько стали в этой фиктивной войне.

«Роннел Аррен бросается к ним обоим...» — сказал Стеврон. «План не нарушен. У нас еще есть шанс, не беспокойтесь». Все жители Фрея вздохнули с облегчением. «Через мгновение штормовые жители или досягаемость рухнут, они все свирепы. Не думай сейчас о Рейне и долине, их битва будет долгой.

Это хитрость... и без чести сказал Эммон, Рейнард медленно посылал щиты и лучников в противовес яростной атаке армии межевых рыцарей против волны лошадей Долины. Они оба встретились, когда роскошная коричневая компания свернулась кольцом с Арренами. Их тактика разумна. Щиты вперед и копья вверх, можно было обмочиться, рассыпаться и дрожать, когда паническое бегство приближалось. Но человек межевого рыцаря не подавал таких сигналов, они ветераны, в этом Эммон уверен.

Лошади упали, как и человек над ними, многие кости ломаются, но только некоторые из них, а остальные, которым не мешают доспехи, которые они носили, немедленно встают, чтобы принять свою славу. быстры движения живой изгороди максимум полупластины и минимум вареная кожа, они шагают быстро и с превосходной точностью, не стесненные доспехами и закрытыми шлемами, как их противники.

Рейны поддержали и поддержали каждого павшего человека из павшего межевого рыцаря, каждый оруженосец в багряном заменит их, чтобы сражаться с уже измученным противником. Использование простых людей в качестве фуража. Точно так же красные драпировки побеждали каждого из Арренов, которые вступали в контакт. В короткий момент коричневый цвет медленно превращается в малиновый, так как силы хеджевых рыцарей истощаются.

Рейнард расположился во второй линии авангарда, как раз перед тем самым фронтом, который сошелся и теперь сражается. Теперь только его человек сражается против стальных сооружений долины, их доспехи также из железа, но люди горы часто одни и во многих случаях носят такую одежду, они плавны и быстры значительно лучше, чем обычный человек в доспехах.

«Неотесанное поведение, Рейнард!» — закричал Роннел Аррен. «Посылая других взять на себя ваше бремя, пока вы сидите на...»

«Молчи и борись с псом!» Рейнард заметил, Роннель просто усмехается с легкой чертой ярости. — Аластор, пошлите больше оруженосцев! Они шатаются и медлительны!» Его двоюродный брат сделал, как надо, и делегировал приказ соответствующему человеку, не долго, а секунд через десяток, красорукий подбежал и ударил сбоку. Оставив Долину с двумя границами, которые требовали внимания.

«Где остальная часть отряда межевых рыцарей?! Они должны атаковать другую сторону!» — заметил Рейнард. Аластор осмотрел свое окружение, чтобы не найти никаких признаков обычной тусклости вокруг их красной компании, почти споткнувшись из-за удара мечом оруженосца Долины. Он ударил противника по колену, пытаясь оправиться от удара, и вывел его из строя ударом затупленного меча по затылку. Аластор умудряется посмотреть на Рейнарда, чтобы тот покачал головой.

Рейнард знает, что Оно имело в виду. Когда он тоже смотрит на свое окружение, там нет никого, кроме его человека и Долины. До тех пор, пока он не слышит лязг стали в том месте,

где его не должно было быть слышно. В его тылу ряд за рядом медленно рассеивается остальная часть отряда межевого рыцаря. Смех обмана раздавался, когда каждый Рейн-человек падал от своего клинка. Гребаные предатели, подумал Рейнард.

Он едет в сторону, когда он кричит своему мужчине. "Держать строй! АЛАСТОР ДЕРЖАТЬ РЯД!». Его конь с ревом мчался по пустынной равнине рядом с строем, быстро двигаясь, чтобы увести аррьергард от поражения. К несчастью, когда подошла еще одна лошадь, сам межевой рыцарь осмелился встретить его на полпути, и их лошади столкнулись лицом к лицу, когда они оба упали на землю.

Разъяренный Рейнард быстро вывел себя из себя. И обнажить свой золотой меч с навершием. На горизонте множество мужчин, свернувшихся в конфликте, рисовали фон, поскольку оба мужчины стоят на дуэли, когда они сталкиваются друг с другом. — Должен был знать, что ты, хам, не сдержишь своего слова.

«Не думай, что я не знаю твоего плана. Использование моего человека в качестве ягненка, как и твоего, закончило работу, — ухмыльнулся межевой рыцарь. — Ты думаешь, я был бы настолько глуп, чтобы довести дело до конца?

— У тебя нет чести...

«Молчи и борись!» Они столкнулись, коричневый гамбезон и половина пластины против угольно-черных доспехов, линии которых были окрашены в красный цвет. Один дрался грязно; другой, как известно, хорошо обучен, но основы предсказуемы. Тем не менее, сытый в своей жизни и мускулистый Рейнард всегда достаточно быстр, чтобы компенсировать технику межевого рыцаря.

Он заблокировал взмах меча и тут же пытается нанести удар эфесом... Рейнард тут же уклоняется.

Он атакует плечом, и Рейнард продолжает его и отвечает ударом головой.

Он ударил ногой по щиту, оттолкнув противника назад, Рейнард быстро уперся ногами и метнул щит прямо в лицо межевого рыцаря. Он ударил его прямо в лоб, кровь струится, как ливень. "БЛЯДЬ!" — воскликнул рыцарь. — Вот тебе и твоя гребаная честь... — Рейнард без всякого интереса повалил его на землю и попытался убить ударом ножа. Разочарованный дракой, наследник Рейна прибегнул к закулисным методам.

Межевой рыцарь пытается увернуться, но лезвие меча все же попадает в него, но, к счастью, в стальную пластину. Он схватил руку и ткнул лорда пальцем в глаза. Борьба продолжается... Грязные средства укладываются на другого и столько же на другого. Все это время силы межевых рыцарей, а также Рейна и Аррена сворачивались за ними.

Из-за простора и бури, когда-то триста человек, теперь стояло только по сотне с каждой стороны. Все слова и бравада призыва штурмовиков наконец-то подверглись испытанию и были признаны превосходящими. Зелени выпало больше, чем желтизны. В каждом шторме падало по три человека, Гарт с ужасом смотрел на это. «Это просто безумие... Я не думал...»

О, так внезапно раздался звук. Копыта топают сзади. Фреи пришли со своими лошадьми, лица их были закрыты капюшонами и сталью. Стеврон и Эммон вели впереди, поскольку обе стороны Коннингтона и Тайрелса слишком заняты друг другом. В ужасе Гарту остается только смотреть, как лошади через секунду встречаются с ним и его собственным человеком. Не было ни времени, ни внимания, чтобы охранять тыл, поскольку все они пали.

Они пронзают прямо, как копье. Ни одному мужчине Тиреллов не удастся уклониться от натиска давки. Однако у штормовых жителей есть время, чтобы увидеть, и поэтому у них есть идея сбежать. Как только лошади на несколько мгновений тянутся к голове, они отходят в сторону. Не иначе, как разбегающаяся в сторону морская волна, если смотреть сверху.

«ТАЙРЕЛЛЫ ПАЛИ!» — крикнул спикер. «ЛОРД ЭММОН ФРЕЙ УБИЛ ЛОРДА ГАРТА ТИРЕЛЛА!»

---XxxxxX---

Теперь, когда она смогла как можно ближе увидеть ужасную картину войны, ее мнение о ней совершенно не изменилось. Именно так, как она и думала, неприлично, неряшливо и не видно никакого подобия чести. Со временем она увидит, как настоящий мужчина сражается должным образом, как она увидела во время тренировки Тигетта с главнокомандующим семьи. но так быстро Это также превращается в драку с методом, предназначенным для жутких попыток.

Работа разума значительно преобладала при использовании силы, большей, чем она сама, поскольку она видела, как армии несли поля, как одна сторона высаживала другую с одной стороны и занимала позицию, чтобы действовать определенным образом. Она не могла себе представить, что нужно иметь полный и спокойный дух, когда лошадь пытается растоптать вас или когда кто-то видит, как меч пытается замахнуться на вас, но они сделали все так легко управляемо.

Тыл Рейна, когда они приняли на себя основную силу человека межевого рыцаря, превращается в стальную стену с копьями, входящими и выходящими, как хитрое изобретение. Кавалеристы пронзают линию, каждая лошадь держится в строю, когда они шагают по полю, их копыта наступают на тела и неровные равнины, но они стоят аккуратно.

Эммон победил благодаря терпеливой хитрости, она не станет его за это винить, наоборот, хвалит. Близкие скорее жаждут увидеть их дома, чем услышать их славу в смерти, она надеялась по той же причине, что и ее брат добьется тех же результатов. Она по-прежнему не питает привязанности так, как этого хочет Эммон, но она, по крайней мере, дала капельку уважения и взаимной заботы, мужчина действительно заслужил это, как только старался.

Теперь штурмовики несут небольшую кавалерию, а лошади Фреев двигаются, чтобы подготовиться к новой атаке. Ходят слухи, что дети бури — это стая воинов, многие из которых были растоптаны, но осмелились встать. Джон Коннингтон двинулся и повел своего человека, чтобы построить щит из нескольких линий, пока лучники стреляют из их тыла. На каждый пожар падало несколько лошадей, это было поистине сюрреалистическое зрелище для Генны. Найти такую мощную силу до того, как она будет медленно подавлена через мгновение.

Еще более полутысячи человек все еще борются с образом многих пигментов. Рейны наконец вырвались из клещей благодаря лидерству Аластора. Армия межевых рыцарей должна сосредоточиться на уничтожении своего тыла, а не на перехвате сбоку. Это и понятно, поскольку их некому вести, поскольку сам межевой рыцарь занят борьбой за свою жизнь против Рейнарда.

Лорд Тиреллов потерпел поражение, но меньше сотни человек все еще сражаются так же, как бури, Рейны держат сто пятьдесят, а межевые рыцари состоят из ста двадцати. По крайней мере, так считает Дженна. только Долина и Фрей не причиняют особого вреда, они по-прежнему сохраняют большую часть своих войск. Битва не настолько хаотична, чтобы человек

мог разбежаться из строя, что делает их легко подсчитываемыми.

И как раз в тот момент, когда она, наконец, это видит, Вергилий движется вперед в медленном расслабленном темпе со своим клинком в ножнах в руке. Нижняя часть его пальто развевается на ветру, как крылья, он кажется таким безмятежным в своих движениях, как будто перед ним нет ужасного зрелища в виде войны. Генна не видела, как он сражался с ее мужчиной в библиотеке, но он был так уверен в своей победе, что объявил это скорее рутиной, чем славной задачей, настолько все это было странно.

Тем не менее ее сердце тревожно бьется, как если бы сделка провалилась или удалась, это все равно привело бы к закулисным результатам. Она уже просила говорящего заявить о своей благосклонности к человеку Спарды, увидеть, как он потерпит неудачу, было бы еще одним позором для фамилии, как мог один человек взять полтысячи человек... и все же он ходит без забот.

«На мой взгляд, это слишком долго...» — сказал Вергилий, оказавшись посреди поля битвы. Неизвестно Генне в том, что он говорил. Толпа с любопытством наблюдает, как даже лорды и дамы стоят на трибуне, чтобы увидеть явные замыслы валирианца. Вергилий поднимает меч, пока его рука не достигает плеча, в то время как Дженна задерживает дыхание.

Он стремительно летит вниз, как линия, прорезающая облака...

Раздался гулкий звук, и поднялась волна СИЛЬНОГО ветра...

Вейл, Рейн и простые воины подброшены в воздух воздушными потоками...

Штормовые жители стояли непоколебимо в своем строю, лишь бы упасть, чтобы отведать грязи...

И кони поскальзывались и падали, носимые ветром...

Наступил момент тишины, в то время как звуки природы продолжают звучать так, как будто ничего необычного не произошло. Все могли слышать чириканье птиц, естественный ветер, касающийся их ушей, и все еще с шумом качающиеся травы. Никто не пошевелился... ни толпа, ни армия на турнире. Тем не менее Вергилий движется вперед.

— Леди Дженна... Я, — сказал гвардеец. — Я знаю, что последует... Я не думаю, что ты хочешь это видеть.

«Но я знаю», — мысленно произнес Генна. Подобие его сил только что проявилось, и ей нужно увидеть больше, чтобы понять, что ее не обманули. Не только она, весь мир перестал мигать. То, что когда-то было облачным небом, теперь мерцает только солнцем. даже звезды намерены смотреть. Толпа, когда-то полная шума и аплодисментов, теперь очарована увиденным. Уже пришло первое доказательство того, что ее разум не оспаривается.

Три группы Красных, Коричневых и Железных стояли и смотрели на него, когда он приближался. Она не знала, о чем они говорят, но все они зорки и внимательны к каждому сказанному слову, хотя оно кажется коротким. Генна подходит ближе к краю входа, к большому разочарованию охранников. Она должна все это видеть.

Всего минута, пока Вергилий снова не двинется вперед и не ударит Рейнарда по лицу мечом в ножнах. «Рейн» улетел, как бедствие, вызванное божественным вмешательством, остальные с ужасом наблюдали, особенно красноармейцы, увидев, как их хозяин отброшен к горизонту.

Сначала Аластор совершил первую атаку...

А потом пришел и остальной его человек...

А затем присоединяются долина, межевой рыцарь и его соратники...

А потом остальные...

Теперь никто из толпы не сидит, все стоят в полнейшей тишине, в которой работа мистика становится ясной для глаз многих. Даже Эллин Тарбек стоит, и все ее самодовольные черты сменились растерянностью. Титос теряет улыбку вместо замешательства. Там Генна также увидела капитана своего дома Диларра, наблюдающего за битвой с усталым лицом, когда он раздражается от своего дыхания.

Он не выглядит потрясенным или ошеломленным...

Кавалерия Долины бросается топтать Вергилия своей атакой, но даже не достаточно близко к мужчине, его синий край мундира тоже качается, следуя импульсу его удара. И в ту же секунду десятки лошадей полетели и упали на равнину. Их вес и тяжесть ревущего урагана привели к тому, что их кости сломались и разъединились. То же самое можно сказать и о человеке, едущем на них, хотя и не так строго.

Далее идет Фрей со своей кавалерией, но в отличие от того, что было раньше, когда он выжидающе взмахнет мечом, чтобы сильный ветер сбил их с толку, вместо этого он исчезает. Появившись сразу после неудачной атаки... и всего через мгновение их доспехи и тела были разорваны, как пачка жгутиков, следы бритвенных ран усеяли их тела, просачиваясь кровью. Никто не умер, но даже тогда боль сильная.

Более чем достаточно указаний на то, что это не обычное событие для всех, у кого есть глаза: то, что когда-то было сворой людей, отважившихся вступить в войну, теперь дрожало от этого события. Вергилий все еще идет вперед, на этот раз к межевскому рыцарю. У человека не осталось дерзкой бравады; он приказал своему человеку бежать так же, как и он. Хотя сам не побежал, чтобы поднять раненых из своей роты, чтобы уйти первым.

Пользуясь случаем, Аластор попытался нанести удар сзади. Так же, как Джон Коннингтон пытался затоптать его с боков. Вергилий поймал меч рукой за основание, это не работа демона, в отличие от клинка его брата, поэтому кровь не текла из его рук. Хватка Аластора сильна инстинктивно, как мечом, сын Спарды повернул его к лошади Коннингтона.

Аластор почувствовал, как хрустнул его позвоночник, когда он соприкоснулся с ногами и телом скакуна, Коннингтон упал лицом на зеленую землю, разодрав себе лицо и волоча шею, когда инерция унесла его далеко, пока он отмечал траву. Оба затыкали рот и кашляли кровью, как фонтан.

— Что ты за хрень! Дженна увидела, как губы Эммона отошли от губ. Вергилий даже не удосужился обратить на него внимание, поскольку он быстро отклонился влево всего на дюйм, когда меч Стеврона взмахнул сверху. Не имея никаких слов интереса, Вергилий просто ударил подозреваемого тыльной стороной руки. И Стеврон взмыл в воздух, словно заживо разлагающийся труп.

Эммон попытался броситься, но чья-то рука удержала его от движения. Он поднимает взгляд и обнаруживает, что он принадлежит валирийскому колдуну, пока мужчина говорил, его зрение застилала оттенки синего. — Уступи... — сказал Вергилий. «Хорошим это не кончится, и я

скажу это только дважды... Уступайте».

Тело Стеврона содрогнулось, пока он лежал, Эммон смотрел и надеялся, что это не признак смерти. Страх и ярость закружились в нем, даже в сердце он борется, чтобы сделать выбор: бежать или драться. Без толку он побежал к Стеврону, неся его на руках и спрашивая, есть ли признаки жизни. — Стеврон, пожалуйста! Пожалуйста, ты меня слышишь!»

«Ах, блять!.. блять». Стеврон сразу же заговорил с окровавленным лицом. «Эммон... я.... Я не чувствую своего лица...» оба брата разговаривают, пока Вергилий просто стоит там, оба повторяют мысль, если другой здоров. Оба призывают остаться в живых и покинуть помещение. Увидев в этом признак того, что схватка окончена, лазурный плащ ушел.

Эммон посмотрел на свое ревущее синее пальто и осторожно опустил брата. — Эммон, не... НЕ ДЕЛАЙ! — взмолился Стеврон. Но возмущение перекрывает весь здравый смысл, и Эммон бросается с мечом наголо. Даже тогда Вергилию все еще удастся сделать свой голос известным.

"Я предупреждал тебя..."

Он просто мягко качается к коленям с Ямато в ножнах, и кости раздроблены, а ноги двигаются самым неестественным образом. Тем не менее, он стоит на одной ноге, поскольку Эммон все еще намеревается размахнуться секундой позже, но Вергилий даже не двигается, когда меч проходит кончик его носа, хотя седовласый мужчина сделал свой ход и сломал руку Эммона с мечом. простой удар от его рукояти.

— Позор... — просто сказал Вергилий. «Финал скучный... По крайней мере, для меня».

Он ушел после этого провозглашения; с голубым угасающим туманом он снова появляется прямо перед говорящим. Глаза сверлят, как сосредоточенное солнце, к душе человека. — Я выиграл... — сказал он. «Объявите...»

---XxxxxX---

Пятьдесят тысяч Золотых Драконов... и почетный церемониальный клинок из золота, на мече и рукояти целиком.

Это то, чем Титос хочет вознаградить победителя, щедрая награда для стаи людей, готовых сражаться как один. Меньший приз тогда привел бы к трудностям с распределением после победы, поскольку эта рукопашная схватка опирается на работу многих, а не одного. Таким образом, ирония превратилась в довольно веселую идею, поскольку только одно существо пришлось забрать золото.

После этого не будет празднеств, никто не посмеет двинуться со своего поста и места. Все они молча наблюдают, как лазурный валириец молча уходит после получения награды. Стаи мужчин и женщин, высоких и низких, рассеялись, как песок и море, когда Вергилий направился к ближайшему выходу. Опять же, только звуки природы сжимали окружающее, как будто человека в это время не было.

Единственные звуки, которые издавал каждый человек в этот момент, были просто тяжелым прерывистым дыханием, дети, которых мать заставляла прятаться за их юбками, некоторые дети даже хотели приблизиться в страхе, если бы охранники не остановили их от их предполагаемой глупости, их голоса только не доносились. долго после великой тишины. Это мало что значило для Вергилия, но затем раздался голос...

— Мой лорд... не надо!

"Это было удивительно!" Пришел ребенок, которому едва исполнилось полдесятка лет. Его одеяние совершенно барское, как и все высокорожденные. «Ты... ты валириец? Вы член королевской семьи? Ты не Таргариен!? Все ли валирианцы могут так колдовать?! Я хочу научиться магии!?» Его глаза были сфокусированы прямо, но даже периферийными устройствами он мог видеть оттенок красного сияющего шелка.

— М... между прочим, меня зовут Герион! Герион Ланнистер! Мой отец является хозяином этого турнира! Как вам бой? Это было весело!? Это должно быть, когда вы можете творить магию и призывать ветры как таковые! Вы учитесь этому самостоятельно? Ты родился с этим?!

"..."

— Я слышал, ты сражаешься за мою сестру! Моя сестра Дженна Ланнистер! Да! Моя сестра Дженна Ланнистер! Значит ли это, что теперь ты за нее!? Значит ли это, что ты тоже лорд!? Из каких земель ты родом? Правда ли, что многие говорили, что ты родом из самого Валирии?!

"..."

— Си... сэр? О-о, прости! Мой господин!?"

"..."

— Ты придешь на пир позже!? Можем ли мы поговорить там больше?!

"..."

«Почему ты не можешь говорить!? Это из-за магии — эй, подожди!? Не оставляй меня!»

"..."

Герион бросается к ногам Вергилия, обнимая их, когда его волокут по земле, как ткань. "Останавливаться! Пожалуйста!" Вергилий продолжал идти вперед медленным шагом, как будто ни на одной части его тела не было никакой ноши, не больше, чем муравей, ползущий на слоне. Как ни пытался Герион сдвинуть его с места, казалось, что весь мир против мальчика. «Почему ты не слушаешь меня!? Я приказываю тебе слушать меня!»

«ГЕРИОН!?!»

"Хм!?" Мальчик поворачивает голову и видит расстроенное лицо старшей сестры. «Это НЕПРИЯТНО! Чему я только что учил это в прошлом году? Только не эту варварскую мольбу!» Герион надулся, медленно отпуская руки Вергилия, как будто это означало, что он исчезнет. Как ни странно, как и для Гериона, Вергилий Встал на месте, как только слышен голос Генны.

«Либо иди к отцу, либо иди в свои покои с эскортом, это не место для тебя в это время!»

"НО!-"

«Герион!» Генна сказала строго, но в последнюю секунду запнулась, вздохнув. «Пир будет тем временем, когда будет вручена награда с турнира... лорд Вергилий никуда не пойдет, вы его утомили».

«Верджил! Лорд Вергилий, так вас зовут?! Герион оглянулся. «Как ваша фамилия, вы из

знатной семьи...»

«ГЕРИОН!» Генна теперь кричал. «Иди к отцу! Или ты больше никогда его не увидишь!»

Он надулся еще раз, как детское разочарование. Но потом он снова вооружился улыбкой, такова непостоянность юноши. «Извините, если утомил вас, лорд Вергилий! Я надеюсь, что смогу увидеть вас снова во время праздника! Я ухожу, если ты обещал быть там!

“ ... ”

“ ... ”

Они стоят рядом друг с другом. Глаза Гериона светились, когда он смотрел на щеку Вергилия, казалось, даже не моргая. Вергилий, однако, не соизволил встретиться с ним взглядом, просто смотрел вперед, дома и замки впереди интереснее ребенка, гораздо оживленнее кролика.

— Диларр... пожалуйста, заберите этого молодого человека... — в изнеможении наконец сказала Дженна.

— Немедленно, моя госпожа.

"Ждать! Нет! НЕЕЕЕТ!"

Точно так Гериона уносят в замок, хотя его протест Медленно затихает в их ушах. Гена заговорил первым. — Моя глубочайшая благодарность за терпение к моему брату, я...

— Не беспокойся... — ответил Вергилий. «Он ребенок, дети так делают...»

"Я понимаю."

Вергилий оборачивается, когда голубые глаза встречаются с зелеными. Он, не теряя времени, перешел к делу. «Сделка заключена...»

— Да... да... — вздохнула Дженна с чувством вины в голосе. «Хотя я не думал, что ты причинишь ему такой серьезный вред...»

«Меньше, чем то, что я сделал с вашими охранниками... но да, я сделал». Вергилий ответил просто. «Мое предупреждение осталось без внимания. Он приглашает свои страдания... сейчас Если вы хотите обсудить что-то ВАЖНОЕ . Я был бы в вашей библиотеке. Не беспокойте меня, если это не так». Как только он закончил, он исчез в голубом пятне.

Генна почувствовала, что тяжесть спала, поскольку сына Спарды больше нет рядом с ней. Она не думала, что такие силы существуют, но здесь она исправлена. Хотя ее скептицизм по поводу охранников минимален, она предположила, что колдовство приукрашено. Только сейчас она поняла, что правду приуменьшают.

Она поворачивается, чтобы снова пойти к отцу, но обнаруживает, что сотни лиц наблюдают за ней, как лорды, так и простые люди. Уже слышны голоса о связи валирийца с дамой скалы... Генна не могла не выругаться в уме. « Клянусь семью богами, нет...»

Осложнения теперь неизбежны.

— Какая сделка? Голос говорил позади нее. Там стоит Джоанна Ланнистер, поражающая своей красотой. — Что ты только что сделал?

<http://tl.rulate.ru/book/85612/2737109>